

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Становление историка в Императорской России

Рассматривается процесс становления Владислава Петровича Бузескула как одного из крупнейших отечественных историков конца XIX – начала XX в. в контексте развития системы образования России и научно-педагогической деятельности Императорского Харьковского университета.

Ключевые слова: Российский историк, классическая гимназия, Императорский Харьковский университет, историко-филологический факультет, студенты, профессора, историческая наука.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Historian's Formation in Imperial Russia

Is considered the process of formation of Vladislav Petrovich Buzeskul as one of the famous domestic historians in the end of the XIX – the beginning of the XX century in the context of the education system development in Russia and a scientific and pedagogical activity of Imperial Kharkov university.

Keywords: a Russian historian, a classical gymnasium, Imperial Kharkov university, the faculty of History and Philology, students, professors, a historical science.

Российская историческая наука конца XIX – начала XX в. была представлена целой плеядой блестящих историков, придерживавшихся самых различных историософских воззрений и внесших серьезный вклад в осмысление процесса исторического познания [1]. Их становление проходило в своеобразных условиях России второй половины XIX в. – в условиях отсутствия демократии и политического плюрализма, с одной стороны, но с другой – в условиях идейного разномыслия и активного поиска теории, способной объяснить происходившие в мире и в стране процессы. Только этим обстоятельством можно объяснить появление таких разных в историософском плане историков античности, как В. П. Бузескул, Ф. Ф. Зелинский, Р. Ю. Виппер. В предыдущих публикациях мы достаточно подробно рассказывали об их вкладе в развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования [2]. В данном случае предпринимается попытка представить процесс становления их как историков.

В. П. Бузескула, Р. Ю. Виппера, Ф. Ф. Зелинского объединяют природная одаренность, происхождение, относительное материальное благополучие их семей, имевших возможность дать всем троим классическое гимназическое и университетское образование, то, что они практически одногодки (В. П. Бузескул родился в 1858 г., Р. Ю. Виппер и Ф. Ф. Зелинский – в 1859 г.), ко-

торым судьба подарила долгую жизнь и возможность заниматься любимым делом – реконструкцией истории, ее методологией и дидактикой. В. П. Бузескулу, как самому старшему из них, и будет посвящена эта статья, в последующих речь пойдет о Р. Ю. Виппере и Ф. Ф. Зелинском.

В. П. Бузескул родился в селе Поповка Харьковской губернии. Он принадлежал к старинной служилой семье румынского происхождения, родоначальник которой поступил на военную службу в России еще в начале XVIII в. [3]. Уже в детстве он стал проявлять особый интерес к истории, который, хотя и возник спонтанно, после прочтения им популярной биографии А. В. Суворова, никогда впоследствии не ослабевал. В 1868–1876 г. юноша обучался в Харьковской классической гимназии, где его интерес к истории укрепился благодаря знакомству с преподавателем этой дисциплины Н. Ф. Одарченко – человеком «редких способностей», обладавшим замечательной памятью, даром слова, увлекательной манерой изложения материала [4]. В 1876 г., после окончания с золотой медалью гимназии, он поступил на историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета, став впоследствии одним из немногих дореволюционных антиковедов, кто по своему основному образованию был не филологом-классиком, а историком [5]. Ко времени поступления В. П. Бузескула Харьковский университет

имел богатую семидесятилетнюю историю, будучи старше Киевского и Одесского университетов, мог гордиться своими образовательными традициями и солидным опытом в деле организации не только высшего, но и среднего и даже начального образования, открытия гимназий и уездных училищ, так как на протяжении ряда десятилетий возглавлял Харьковский учебный округ, контролируя школьную деятельность в светских образовательных заведениях Черниговской, Полтавской, Херсонской, Таврической губерний и Черноморской области.

Историко-филологический факультет был учрежден в 1850 г. [6]. Как и другие студенты факультета, В. П. Бузескул штудировал всеобщую и русскую историю, историю славянских наречий, сравнительное языкознание, русский язык, церковную историю, историю философии, историю зарубежной и русской литературы. Предметами обязательной общекультурной подготовки были логика и психология, греческий и латинский языки, а также богословие, занимавшее 15 % учебного времени [7].

Специализация в университете начиналась только с третьего курса [8], так что у В. П. Бузескула, как и его сокурсников, на протяжении первых двух лет обучения существовала возможность совершенствовать свои познания в области классической словесности. Читая в оригинале Фукидида и Платона, Теренция и Тацита, он наверстывал то, что оказалось упущенным им в программе обучения в классической гимназии, а именно греческую и латинскую грамматику, которая в годы отрочества внушала ему отвращение «массой ненужных», как ему тогда казалось, «правил и исключений» [9]. И хотя В. П. Бузескул не сразу определился со сферой своих научных интересов, именно филологическая направленность учебного процесса в гимназии, раздражавшая его в ученические годы, впоследствии пригодилась ему в наибольшей степени «при занятиях греческой историей».

В целом дореволюционная система обучения в его оценке при всем ее несовершенстве давала своим выпускникам главное: прочные знания и привычку к неустанному труду [10] – тот весомый багаж, который, не оскудевая с течением времени, приобретал все большее значение в жизни человека, решившего посвятить себя изучению филологических или исторических проблем.

Студенты историко-филологического факультета Харьковского университета, наибольшую по

численности группу которых составляли дети дворянства и чиновничества [11], имели возможность посещать нумизматический кабинет, коллекция монет и медалей которого считалась одной из самых ценных и известных в стране [12], работать в музее изящных искусств, собрание «редкостей» которого, включавшее оружие и украшения, предметы быта и изобразительного искусства, постоянно возрастало главным образом за счет пожертвований преподавателей [13].

В распоряжении учащихся была также солидная библиотека, ее основной фонд к 1884 г. насчитывал 50254 экземпляра книг [14], кабинет для чтения получал 75 иностранных и 36 русских периодических изданий [15]. В 1879 г. в Харькове начал свою работу исторический архив, перевезенный из Чернигова [16], что открывало студентам широкие возможности для более детального изучения истории Украины. На историко-филологическом факультете работало четыре научных кружка, позволявших любознательным студентам погружаться в исследование экономических и «государственных наук», русской и западноевропейской литературы, богословия [17].

Однако, хотя условия для получения высшего исторического образования в Харьковском университете выглядят вполне благоприятными, статистические отчеты дают другого рода информацию, свидетельствующую о непопулярности на юге России исторической специальности.

В 1865 г. на историко-филологическом факультете обучалось всего 23 человека (это почти в десять раз меньше, чем на юридическом); в 1895 г. число студентов-историков возросло приблизительно в два раза [18]. Но увеличение студенческой аудитории за тридцать лет до 43 человек не позволяет сделать оптимистическое заключение о заметном и кардинальном изменении отношения молодежи к историческому образованию. Трудности, связанные с усвоением учебных дисциплин, нередко оторванных от жизни, усугублялись «постановкой научного преподавания». Главной целью обучения на историко-филологическом факультете, предназначение программы которого состояло в оказании явного и эффективного влияния на формирование мировоззрения выпускников, провозглашалось укоренение «верноподданнического отношения к престолу... благоговения к вере и церкви православной» [19]. «Университетское образование... должно было быть на службе государственных интересов и правительственной власти» [20].

Это предназначение высшего исторического образования, продиктованное потребностью самосохранения русского самодержавия, шло вразрез с духовными запросами и научными интересами учащихся, которые хотели «слышать правду», быть в курсе лучших достижений современной научной мысли, иметь свободу научного исследования вместо предлагавшихся им претенциозных выводов официальной науки, урезанных и не претерпевавших изменений на протяжении десятилетий учебных программ, фальсифицированных идей.

Студенты хотели работать с прогрессивными в своих взглядах профессорами, свободно исповедовавшими непредвзятые суждения, а не с преданными власти чиновниками, из-за спин которых (даже при всей их лояльности к режиму) еще и выглядывали квартальные [21].

Высокая плата за обучение (100 рублей в год [22]), распределение мизерных стипендий не за реальные успехи, а по принципу «благонадежности», недовольство результатами обучения, а также усиливающийся гнет полицейского режима в высшей школе (и особенно на факультетах, связанных с формированием мировоззрения и жизненной позиции студентов) – это далеко не полный перечень причин, способных объяснить низкий рейтинг исторического образования в Харьковском университете.

Если же студенту удавалось сохранить интерес к выбранной сфере научной деятельности, несмотря на отвращающую его сознание атмосферу подавления свободы мысли и творчества, то он нередко добивался значительных успехов в предстоящей профессиональной, в том числе и преподавательской, деятельности в университете.

Около половины всех преподавателей, работавших в Харьковском университете, были его выпускниками [23]. Профессорская коллегия пополнялась за счет стипендиатов, оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию, а также за счет приват-доцентов. Университет имел право присуждать ученые степени кандидата, магистра и доктора наук.

В. П. Бузескул принадлежал к числу лучших студентов историко-филологического факультета. На старших курсах он глубоко изучал русскую средневековую историю. Его интерес к полугендарному прошлому и творцам истории приобрел отчетливые очертания в сочинении о торопецком князе Мстиславе Мстиславиче (Удалом), удостоенном на конкурсе лучших студенческих работ золотой медали [24].

Стремление В. П. Бузескула всерьез заняться исторической наукой было очевидным, однако он по-прежнему колебался в выборе своего научного профиля: сфера его научных интересов к окончанию университета еще не определилась. Талантливому выпускнику требовалось время для осмысления и своего предназначения, и выбора направлений научных изысканий. Не торопясь с выбором, он в течение ряда лет преподавал историю в харьковских частных женских гимназиях и только в 1885 г., после сдачи магистерского экзамена, приступил к работе в Харьковском университете в качестве приват-доцента. На этом этапе жизненного пути в центре внимания историка оказалась западноевропейская история конца Средневековья и начала Нового времени, в особенности результаты борьбы с папством и проблема гуситского движения. Потребности выполнения учебного плана заставили его разработать и читать специальные курсы по истории Западной Европы в XIV–XV вв., а также по новейшей истории [25].

Спустя год после ухода в отставку профессора всеобщей истории М. Н. Петрова В. П. Бузескулу была предоставлена возможность читать общие курсы по основным разделам всемирной истории, в том числе и по истории Древней Греции. Он приступил к разработке курса античной истории, по его собственному признанию, «нехотя, поневоле», и только начавшаяся в зарубежной историографии полемика вокруг афинской демократии и личности Перикла смогла переломить его неуверенность в целесообразности осмысления древней истории и преодолеть колебания, связанные с необходимостью тщательной разработки содержания лекционного блока по истории «классических народов» Древнего мира [26].

Самостоятельное исследование истории афинского государства захватило его полностью, он с головой ушел в работу и в 1889 г. завершил магистерскую диссертацию «Перикл. Историко-критический этюд», получившую высокую оценку в «ученой и либеральной прессе» и не утратившую значения и по сей день [27].

Спустя всего шесть лет, в 1895 г., экстраординарный профессор В. П. Бузескул защитил и докторскую диссертацию ««Афинская полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. до Р. Х.». Любопытно, что докторская диссертация первоначально планировалась по совсем другой проблеме. Журнал «Историческое обозрение» за 1890 г. в разделе «Историческая хроника» сообщил о

том, что исполняющий обязанности профессора всеобщей истории в Харьковском университете В. П. Бузескул «готовит к печати докторскую диссертацию об отношениях Франции и Пруссии к России в середине XVIII в.» [28]. Однако резонанс обнаруженного в Египте в 1891 г. трактата Аристотеля «Афинская полития» был настолько существенным, а перспективы кардинального пересмотра древнейшей истории Аттики такими очевидными [29], что В. П. Бузескул без сожаления отложил работу, освещавшую внешнюю политику России времен Екатерины, и с оптимизмом приступил к исследованию древнегреческого памятника, идя навстречу первоочередным потребностям отечественной науки об античности.

Защита докторской диссертации предоставила В. П. Бузескулу возможность стать ординарным профессором всеобщей истории Харьковского университета и, кроме того, сделать блестящую карьеру преподавателя, ученого, руководителя. Уже на рубеже XIX–XX вв. он приобрел славу «талантливого лектора, ученого археолога, специалиста-историографа» [30]. Хотя ему пришлось разрабатывать немало лекционных курсов по дисциплинам кафедры всеобщей истории, наиболее любимым направлением своей научной работы он считал историографическое, в особенности историографию истории Древней Греции [31], к которой был прикован его интерес на протяжении всей преподавательской деятельности.

В. П. Бузескул стал виднейшим отечественным специалистом по истории Древней Греции. Его лекции вызывали большой интерес у студентов не только историко-филологического, но и других факультетов Харьковского университета и всегда собирали большую аудиторию. На его практических занятиях студенты читали и разбирали литературные памятники, обсуждали рефераты. Тематика практических занятий, которые проводились в специальном кабинете с библиотекой при нем [32], выбиралась профессором не случайно. Предлагая студентам изучение законодательства Солона, истории афинской демократии, причин Пелопоннесской войны [33], он не только получал возможность поделиться с учащимися своими мыслями и представлениями по наиболее сложным вопросам истории Аттики, диссеминировать наиболее свежие и оригинальные в тот период научные достижения в области античной истории и методологии науки – В. П. Бузескул открыто заявлял о своем политическом кредо: либеральных взглядах и привер-

женности прогрессивным реформаторским преобразованиям.

В. П. Бузескул обладал рядом качеств, которые, проявившись уже в первые годы его профессиональной деятельности, выявили в нем незаурядную личность. К их числу относятся свободомыслие, гуманизм, заинтересованность в результатах преподавательской деятельности, направленной на совершенствование содержания и методики изучения предметов образовательного цикла исторического отделения Харьковского университета.

Приступив к выполнению обязанностей ординарного профессора, В. П. Бузескул получил возможность войти в состав совета Харьковского университета; кроме того, он стал постоянным членом совета историко-филологического факультета. Известно, что в 1900 г. на заседании факультетского совета он поставил вопрос об улучшении материального положения магистров. «Оно тяжелое и ненормальное... – утверждал он, – молодые силы нередко истощаются прежде, чем достигается профессура, или отвлекаются заботами о материальных средствах...» [34].

Имя В. П. Бузескула можно встретить и в списке членов комиссии, «избранной советом Императорского Харьковского университета для ответа на вопросы, предложенные Министерством народного просвещения, об изменении Устава 1884 года» [35] и приступившей к своей работе в 1901 г. Комиссия должна была изложить свои соображения о целесообразности сохранения требований и инструкций университетского Устава 1884 г., которые регламентировали учебную деятельность высших образовательных учреждений. Как следует из отчета комиссии, преподаватели Харьковского университета считали Устав устаревшим, не соответствовавшим насущным образовательным и воспитательным задачам и требовавшим в связи с этим существенных изменений. Новации должны были коснуться, по мнению харьковских профессоров, прежде всего содержания и методики изучения основных предметов образовательного цикла. Учебные программы должны были стать более гибкими, оставлять свободу выбора наиболее важных тем и проблем за преподавателем, содержать «ниши» для модернизации учебного процесса в соответствии с последними научными достижениями. Это, в свою очередь, означало освобождение высшей школы от опеки чиновников Министерства народного просвещения и возвращение университетам, избавленным от рутинерства и кос-

ности, свободы преподавания. Казенный контроль, насаждавшийся в университетах пореформенного периода, мешал творческому подходу преподавателей к разработке учебных курсов, обогащению их содержания новыми научными открытиями.

В докладе комиссии Харьковского университета, в частности, отмечалось: «ЗаклЮчить университетское преподавание в рамки заранее определенной на целые годы программы, регламентировать ее до мельчайших подробностей – значит обречь на рутину и отсталость» [36].

Профессора Харьковского университета рекомендовали Министерству просвещения внести изменения в структуру учебных программ, удалив или сократив объем неактуальных научных дисциплин и, напротив, добавив важные для формирования целостного восприятия отдельных наук предметы. Так, на историко-филологическом факультете, где первенствующее положение и в начале XX в. занимала классическая филология [37], назрела неотложная необходимость включить в программу важные для образования историков предметы: историю литературы и политическую экономию [38].

В докладе указывалось также на необходимость уделять больше внимания чтению специальных курсов, которые могли бы вызвать у студентов устойчивый научный интерес к тем или иным учебным дисциплинам. «Организация преподавания на более широких началах послужила бы одним из лучших средств привлечения студентов к более усердным занятиям и подняла бы уровень их образования», – заключала комиссия [39].

Отвечая на вопрос Министерства народного просвещения: «Какие меры могли бы привлечь студентов к более усердным, чем ныне, занятиям и поднять уровень университетского образования?» – избранные представители Харьковского университета сообщали: «Необходимо устранение излишнего формализма и регламентации преподавания, предоставление большей свободы советам и факультетам в распределении предметов и изменении программ...» [40].

Мы видим, что заинтересованность преподавателей Харьковского университета в совершенствовании процесса обучения студентов была неподдельной. Члены университетской комиссии внесли весьма весомый вклад в дело раскрепощения сознания работников высшей школы и студентов, в демократизацию процесса обучения и упрощение механизма управления высшей

школой. Наряду с коллегами из других российских университетов они способствовали изменению действовавшего университетского Устава, покоящегося, по выражению профессора Харьковского университета Д. И. Багалея, на «бюрократических основаниях» [41]. Высочайшим указом 27 августа 1905 г. были введены временные правила об автономии университетов [42], расширявшие права «профессорской коллегии» в урегулировании «правильного хода учебной жизни» [43].

Следовательно, профессор В. П. Бузескул находился в авангарде процесса оживления университетского самоуправления, который мог и обеспечить большой приток студентов на историко-филологический факультет, и стать залогом более прогрессивной, коррелирующей с внутренними запросами учащихся и отвечающей новейшим достижениям исторической науки образовательной деятельности.

В. П. Бузескул принимал активное участие в организации научной работы преподавателей историко-филологического факультета. Он являлся членом Историко-филологического Общества, созданного при факультете в 1876 г. Целью Общества, как это следовало из его устава, провозглашались развитие и распространение исторических и филологических знаний. Для достижения указанной цели члены Общества устраивали заседания, снаряжали экскурсии для создания коллекций памятников, заботились о приобретении экспонатов и раритетов, издавали исследования и пособия [44]. В 1886 г. Общество учредило свой печатный орган «Сборник», на страницах которого публиковались труды преподавателей Харьковского университета. До 1905 г. тридцать томов «Сборника», освещавших историю преимущественно южных губерний России, смогли увидеть свет. Одним из активных авторов этого научного журнала был В. П. Бузескул [45].

Члены Историко-филологического Общества также занимались самообразованием женщин, руководя работой Высших женских курсов. Они контролировали деятельность местного Педагогического отдела, учрежденного в 1892 г. для «восполнения пробела... в Харькове по части занятия педагогией» [46]. В. П. Бузескул не отстался в стороне и от этих начинаний. Он преподавал и на Харьковских женских курсах [47], и на Педагогических курсах при Харьковском учебном округе, где популяризировал свои научные труды, опубликованные в столичных журналах, на темы политической и культурной жизни в

Древней Греции [48], а также материалы исследований, посвященных анализу концепций и трудов крупнейших зарубежных ученых [49].

В 1893 г. в Харьковском университете появился свой печатный орган «Записки Императорского Харьковского университета». В официальном разделе «Записок» помещались годовые отчеты о работе факультетов университета, отзывы о диссертациях и научных работах студентов, удостоенных медалей и премий. В научном разделе содержались отчеты о командировках преподавателей в столичные и зарубежные университеты [50], в музеи, на места раскопок, а также публиковались их труды. Работы В. П. Бузескула стали появляться в «Записках» уже с 1893 г., с выходом первых номеров журнала [51].

Как и многие профессора Харьковского университета, В. П. Бузескул не ограничивался исполнением обязанностей, связанных с научным творчеством и педагогической работой, – он принимал участие в просветительской деятельности, откликаясь на запросы образованной части населения Украины. В местных газетах и журналах появлялись его работы о героях Французской революции [52], утопических проектах преобразования общества, возникших в Римской империи [53]: эти темы приобретали актуальность накануне грозных событий октября 1917 г. в России. В. П. Бузескул также знакомил общественность Харькова с заслугами преподавателей местного университета [54], рассказывал о значении научных открытий крупнейших зарубежных и отечественных ученых [55].

Насыщенная пропагандистская и просветительская деятельность Владислава Петровича органично сочеталась с научными исследованиями, хотя революции и войны, открывшие двадцатое столетие, явно этому не способствовали, о чем свидетельствует уменьшение количества публикаций ученого по сравнению с периодом рубежа XIX–XX вв.

В 1901–1905 гг. В. П. Бузескул был деканом историко-филологического факультета. Выполняя свои должностные обязанности, он силой обстоятельств был вовлечен в круговорот политических событий первой русской революции.

Харьковское студенчество, состав которого по преимуществу оставался дворянско-буржуазным и чиновничьим [56], как и учащиеся других университетов России, все активнее начало принимать участие в студенческом движении, нередко блокируясь с представителями рабочего класса, ради скорейшего достижения давно ожидаемых

политических свобод. Размах студенческого движения заставил министра просвещения Ванновского обнародовать в декабре 1901 г. «Временные правила», позволявшие студентам проводить факультетские собрания и легализовать студенческие организации [57].

Под влиянием январских событий 1905 г. в Петербурге, всколыхнувших всю страну, студенты Харьковского университета, часть из которых оказалась членами партии большевиков, участвовали в сходке 9 февраля, принявшей резолюцию о прекращении занятий до выбора Учредительного собрания и последующего «политического освобождения России» [58].

В этой обстановке нарастающего революционного движения, которое парализовало учебную деятельность в Харьковском университете, был издан императорский указ (27 августа 1905 г.) о предоставлении университетам автономии. В. П. Бузескул по достоинству оценил этот указ, аннулировавший прежнюю систему управления университетской жизнью, основанную на жестких циркулярах и инструкциях, раздражавших своим оскорбительным высокомерным тоном диктата, сеявших отношения подозрительности и провоцировавших репрессии против либерально настроенных преподавателей и студентов [59].

Новый императорский указ гарантировал университетскую автономию: право выбора ректора и деканов, возможность создания студенческих организаций во главе со старостами; не запрещались и студенческие сходки. На советы факультетов возлагались «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни» [60]. Какое-то время это требование соблюдалось, благодаря «нравственным средствам» и переговорам с радикальными представителями студенчества [61].

Начавшийся учебный год был ознаменован новыми студенческими сходками. В резолюции, принятой студентами на собрании 12 сентября, отмечалось, что августовский указ не сможет «обмануть общество и затормозить освободительное движение», не заставит студентов примириться с существующим режимом. Выражая поддержку социал-демократическим лозунгам, студенты потребовали превращения университета в открытое учебное заведение, гарантирующее возможность получения высшего образования всем выпускникам гимназий без различия пола и вероисповедания. Студенты изъявляли готовность превратить университет в центр политического воспитания не только учащихся, но и ши-

роких народных масс путем предоставления им свободного доступа на свои собрания [62].

После издания манифеста 17 октября 1905 г., обещавшего дарование политических свобод народу, либерально настроенная часть студенчества, а также профессорско-преподавательского состава, и В. П. Бузескул в том числе, сочла необходимым прекратить конфликты с городскими властями и правительством, отказаться от превращения университета в «политический клуб». Совет университета выразил желание стоять на страже только образовательных задач [63].

Однако уже в 1908 г. Харьковский университет стал центром партийно-политической работы города [64], что вылилось в новые студенческие забастовки, саботирование учащимися занятий, наводнение здания университета осведомителями, аресты, массовые исключения. Учебную деятельность лихорадило также в 1910, 1911, 1913, 1916 гг. [65]. В условиях назревавшей революции подавляющее большинство преподавателей и студентов университета прилагали все усилия, чтобы предотвратить социальные конфликты и оградить университет от революционной катастрофы [66]. Они допускали возможность социально-политических реформ, осуществляемых без резких потрясений, в дозволенных границах, санкционируемых Учредительным собранием.

Установление советской власти в Харькове и в Украине (декабрь 1917 – январь 1918 г.) поначалу не внесло существенных изменений в жизнь университета: он лишился только звания «императорского». Профессура, не желая участвовать в кровавых событиях установления нового советского режима и начавшейся вслед за революцией Гражданской войны, а также не торопясь признавать порядки немецких и австро-венгерских оккупантов, петлюровцев и гетманцев, афишировала свою непричастность ко всем политическим переворотам. Профессура позиционировала себя ревнителями «чистой науки» и изъявляла желание заботиться только о восстановлении постоянно разрушавшейся из-за бурных событий жизни Харьковского «храма науки» [67]. Действительно, поводов для беспокойства о возможности сохранения «нормальной академической жизни» было немало: хозяйственная разруха, финансовая неразбериха, катастрофическое материальное положение (отсутствие средств на содержание университета, задержки в выплате жалованья и несоответствие его размеров реальному уровню жизни), внедрение новых дисциплин и украинского языка для чтения лекций, начавшаяся по-

литизация образования. Во всех этих бедах профессора Харьковского университета обвиняли (и часто не без оснований) большевиков и их власть Советов [68], которая была временно восстановлена в январе 1919 г., а после разгрома армии Деникина (декабрь 1919 г.) окончательно утверждена.

Вряд ли мы, люди, к счастью, не знакомые с революционным террором и трагизмом гражданских войн, можем себе представить, сколько боли и разочарований пришлось пережить царской профессуре, и В. П. Бузескулу в том числе, когда делом университетского образования было доверено управлять полуграмотным строителям коммунизма, одержимым только «передовой» марксистско-ленинской идеологией, не сомневающимся в том, что «старый» мир весь до основания должен быть разрушен.

В Харьковском университете сначала появились политкомиссары, которые уничтожили автономию высшей школы, изъяв функции управления у ректора и коллегий преподавателей, а своими инструкциями по вопросам работы вузов дезорганизовали академическую жизнь и дальнейшее развитие науки [69]. Затем в факультетские советы, заменившие собой Правление и совет университета, были введены представители нового студенчества [70].

Верхом бездарности политики созданного комиссариата просвещения Украинской ССР следует назвать ликвидацию самого Харьковского университета, обвиненного во враждебном отношении к советской власти, оторванности от жизни и бесполезности в подготовке специалистов «ярко очерченного профиля» для создававшегося советского хозяйства [71]. На базе университета в 1920 г. были образованы Временные высшие педагогические курсы, просуществовавшие один месяц и передавшие эстафету в деле «советизации» высшего образования Академии теоретических знаний, проработавшей почти целый год. С июня 1921 г. ресурсы и преподавательский персонал Академии теоретических знаний передали Институту народного образования (ИНО), который должен был готовить работников просвещения для всех типов массовой школы.

Харьковский институт народного образования (ХИНО) состоял из двух факультетов: социального воспитания и профессионального образования. В факультет профессионального образования входило социально-экономическое отделение, где и продолжил свою преподавательскую

деятельность В. П. Бузескул. Как и многие его коллеги, он терпел материальные лишения, работал в грязных, захламленных помещениях, нередко лишенных электричества и отопления [72]. Ему приходилось растрчивать силы и энергию на отстаивание перед новым руководством идеи важности и полезности сохранения старого, университетского учебного плана, номенклатуры дисциплин, бюджета времени, требуемого для их тщательного усвоения, а также традиционных, многократно оправдавших свою результативность методов работы. Ему постоянно надо было доказывать и новому студенчеству, входившему в коммунистическую ячейку, и даже новым педагогическим кадрам, созданным уже в советское время, возможность творить науку на плюралистической методологической основе, а не только на «единственно правильной», в оценке коммунистов, – марксистско-ленинской. Он убеждал своих оппонентов в необходимости сохранения лекций как научно выверенного, грамотного метода преподавания учебных дисциплин, а экзаменов – как основной формы проверки знаний студентов.

В. П. Бузескул был вынужден терпеть критику новой генерации студентов, упрекавших его в отрыве от требований советской науки излагать все дисциплины, в том числе и древнюю историю, с позиций диалектического и исторического материализма. Ему необходимо было реагировать и на такие нелестные замечания, как неактуальность курса истории Древнего мира, его отдаленность от современной жизни, и, приспособливая античную науку к новым историческим условиям, маскировать Платона и Аристотеля под представителей античного социализма и носителей коммунистических идей [73].

Тяжело было осознавать, что студенты получают жалкий суррогат псевдоисторической информации и воспринимают преподавателя не как авторитетного представителя науки, а как консультанта и наблюдателя за их самостоятельной работой, производимой в бригадах в форме коллективной проработки заинтересовавших их проблем. Такая методика проведения занятий, предполагавшая коллективную зачетную оценку знаний студентов [74], должна была, по замыслу педагогов-новаторов, возбуждать самостоятельное творчество учащихся и одновременно формировать у них ответственность за совместные результаты коллективной деятельности.

Что заставляло знаменитого харьковского историка продолжать преподавательскую деятель-

ность в таких рамочно-тюремных условиях, терпеть произвол новой власти, мириться с унижением достоинства?

Мы далеки от мысли о политической беспринципности В. П. Бузескула и его склонности к угодничеству советскому режиму. Скорее всего, у стареющего академика развилась аполитичность, выработался иммунитет к скороспелым, бездумным, нередко противоречащим друг другу указам новых партийных чиновников. Античная история, менее подверженная политической конъюнктуре, чем другие разделы исторической науки, и не связанная с революционными бурями, пронесшимися над Украиной и Россией, давала ему возможность не зависеть от жестких партийных инструкций, дистанцироваться от их уродливых проявлений в сфере просвещения.

Возможно, В. П. Бузескул рассчитывал на крах социалистических порядков из-за многочисленных ошибок и опрометчивых решений большевистских руководителей. Быть может, он, как и питомцы Императорского Харьковского университета, верил в силу разума, непреходящее значение знания, образованности, которые рано или поздно будут по достоинству оценены носителями новой идеологии и востребованы.

Рискнем предположить, что он мог даже проникнуться интересом к укреплявшемуся социалистическому государству, которое отдаленно напоминало Афины середины V в. до н. э., в которых у власти оказалось большинство граждан. Демократическая форма правления в древности, апологетом которой он выступал, вновь демонстрировала способность к выживанию, только уже в советской России.

В. П. Бузескул, смиряясь с неизбежностью, по-прежнему мог ощущать ответственность за порученное ему государством рабочих и крестьян дело организации процесса обучения истории в одном из подразделений высшего учебного заведения, подготавливавшего кадры новой интеллигенции, где и его опыт, и талант ученого, и способности руководителя оказались востребованными, а присущие ему ответственность и чувство долга не позволяли безразлично выполнять привычные обязанности.

Наконец, не забудем о том, что В. П. Бузескул никогда не прекращал заниматься наукой. И на старости лет он много читал и писал, находя в своей исследовательской деятельности отдушину и спасение от перегибов в сфере образования, нередко случавшихся при советской власти, как, впрочем, и при монархической форме правления.

В 1930 г. ему снова пришлось работать в учреждении под новой вывеской. Не выполнивший возложенных на него задач ХИНО был ликвидирован. На базе факультета профессионального образования возник Педагогический институт профессионального образования, который вместе с другими «отростками» Института народного образования в сентябре 1933 г. вновь переродился в Харьковский университет [75]. Академику не удалось дожить до этого дня, знаменовавшего признание советской властью университетского образования. Его не стало в 1931 г.

Примечания

1. См. : Дойков, Ю. В. Самые знаменитые истории России [Текст]. – М. , 2004.
2. Перфилова, Т. Б. Образ античной демократии в историографии нового времени: интерпретация В. П. Бузескула [Текст] : монография. – Ярославль : ЯГПУ, 2007; Новиков, М. В. , Перфилова, Т. Б. В. П. Бузескул: принципы исторического исследования [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 1 (54). – С. 48–56; Новиков, М. В. , Перфилова, Т. Б. В. П. Бузескул и конструирование «образа» истории [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 3 (56). – С. 151–154; Перфилова, Т. Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р. Ю. Виппера [Текст] / Т. Б. Перфилова ; под ред. М. В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2006. – 345 с.; Р. Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3. – С. 42–48; Р. Ю. Виппер и конструирование «образа» античной истории в учебной литературе [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 4. – С. 57–65; Р. Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3. – С. 33–44; Теоретико-методологические взгляды Р. Ю. Виппера [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2. – С. 77–82; Модернизация древней истории в творчестве Р. Ю. Виппера и В. П. Бузескула [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2. – С. 96–100.
3. Бузескул, В. П. Образы прошлого [Текст] // *Анналы : журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук* / под ред. Ф. И. Успенского, Е. В. Тарле. – Пг. , 1922. – С. 228.
4. Там же. – С. 232.
5. Багaley, Д. И. , Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования [Текст]. – Харьков , 1912. – Т. 2. – С. 578.
6. По Уставу 1804 г. кафедры истории и всеобщей истории входили в отделение словесных наук; Устав

1835 г. рекомендовал включить историческое отделение в философский факультет, и только в 1850 г. в результате новой реорганизации в университете появился самостоятельный историко-филологический факультет с десятью кафедрами // Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет [Текст] / отв. ред. С. М. Короливский. – Харьков , 1955. – С. 15, 16.

7. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 76.
8. Бузескул, В. П. Образы прошлого [Текст]. – С. 239.
9. Там же. – С. 234.
10. Там же. – С. 235.
11. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 71.
12. Там же. – С. 22.
13. Там же.
14. Багaley, Д. И. , Миллер, Д. П. Указ. соч. – С. 586.
15. Там же.
16. Там же.
17. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 78.
18. Там же. – С. 69.
19. Там же. – С. 74.
20. Багaley, Д. И. , Миллер, Д. П. Указ. соч. – С. 587, 588.
21. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 74, 75.
22. Там же. – С. 73.
23. Там же. – С. 75.
24. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) [Текст]. – Харьков, 1908. – С. 287.
25. Там же. – С. 288.
26. Фролов, Э. Д. Русская наука об античности [Текст]. – СПб. , 1999. – С. 316.
27. Памяти академика В. П. Бузескула [Текст] // ВДИ. – 1946. – № 4. – С. 171.
28. Историческое обозрение [Текст] : сб. историч. об-ва при Императорском С.-Петербургском ун-те. – 1890. – Т. 1. – С. 312.
29. Сам В. П. Бузескул отмечал, что все труды по истории Древней Греции, вышедшие до 1891 г., «оказываются во многих местах уже совершенно устаревшими» // Введение в историю Греции [Текст] : лекции. – Харьков, 1903. – С. 514.
30. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 144.
31. Там же. – С. 144, 159.
32. Там же. – С. 130.
33. Там же. – С. 145.
34. Там же. – С. 138.
35. Там же. – С. 139.
36. Там же. – С. 139.
37. Там же. – С. 128, 137.

38. Там же. – С. 140.
39. Там же. – С. 140.
40. Там же.
41. Багалей, Д. И., Миллер, Д. П. Указ. соч. – С. 578.
42. Там же. – С. 587.
43. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 138.
44. Багалей, Д. И., Миллер, Д. П. Указ. соч. – С. 631.
45. См., к примеру: Бузескул, В. П. Библиографические заметки о книгах, изданных в Харькове [Текст] // «Сб. ХИФО». – 1891. – № 3. – С. 299–306; Он же. Программа чтений по истории Афин : лекции 1–10 [Текст] // «Сб. ХИФО». – 1892. – № 9. – С. 15, 16.
46. Багалей, Д. И., Миллер, Д. П. Указ. соч. – С. 632.
47. Фролов, Э. Д. Русская наука об античности [Текст]. – С. 317.
48. Бузескул, В. П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков [Текст] // Образование: журнал (СПб.). – 1902. – № 11. – С. 31–55; Он же. Что читать по греческой истории на русском языке в целях самообразования? [Текст] // Вестник и библиотека самообразования (СПб.). – 1903. – № 2. – С. 109–111.
49. Бузескул, В. П. И. Г. Дройзен (1808–1884). Э. Курциус (1814–1896) [Текст] // Вестник и библиотека самообразования (СПб.). – 1903. – № 36. – С. 1519–1524; Он же. Эдуард Мейер [Текст] // Там же (СПб.). – 1903. – № 47. – С. 1907–1910;
50. В. П. Бузескул никогда не был на стажировках за границей и не печатался в западноевропейских журналах. Только в 1908 г. ему удалось осуществить поездку в Германию для участия в III Международном конгрессе историков // Фролов, Э. Д. Указ. соч. – С. 315.
51. Записки Харьковского университета [Текст]. – 1893. – № 2. – С. 32, 33; Записки Харьковского университета [Текст]. – 1895. – № 2. – С. 144–147; Бузескул, В. П. Генрих Зибель как историк-политик [Текст] // Записки Харьковского университета. – 1896. – № 4. – С. 201–235; Бузескул, В. П. Введение в историю Греции : лекции [Текст] // Записки Харьковского университета. – 1900. Кн. 1. – С. 1–16; Кн. 2. – С. 17–32; Кн. 3. – С. 33–80; Кн. 4. – С. 81–160; – 1902. Кн. 1. – С. 161–256; Кн. 4. – С. 257–304; – 1903. Кн. 1. – С. 305–384; Кн. 2. – С. 385–416; Кн. 3. – С. 417–535.
52. Бузескул, В. П. А. Сорель как историк французской революции [Текст] // Утро: газета (Харьков). – 1906. – 21 июня.
53. Бузескул, В. П. Коммунистические идеи 2300 лет тому назад [Текст] // Жизнь России: журнал (Харьков). – 1907. – № 7.
54. Бузескул, В. П. Памяти М. М. Алексеенка (1847–1917) как университетского деятеля [Текст] // Южный край: газета (Харьков). – 1917. – 21 февраля.
55. Бузескул, В. П. М. М. Ковалевский (1851–1916) как историк [Текст] // Южный край: газета (Харьков). – 1916. – 27 марта; Он же. Георг Вейц (1813–1886) // Харьковские ведомости. – 1886.
56. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 134, 135.
57. Там же. – С. 169.
58. Там же. – С. 173.
59. Бузескул, В. П. Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г. : личные воспоминания [Текст] // Голос минувшего: журнал истории и литературы. – 1917. Июль–август. – № 7–8. – С. 335, 336.
60. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 174.
61. Бузескул, В. П. Дни баррикад... [Текст]. – С. 336.
62. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 174, 175.
63. Там же. – С. 180.
64. Там же. – С. 181.
65. Там же. – С. 185–189.
66. Там же. – С. 189, 193.
67. Там же. – С. 202.
68. Там же. – С. 203.
69. Там же. – С. 213, 214.
70. Там же. – С. 215.
71. Там же. – С. 217, 218.
72. Там же. – С. 238.
73. Справедливости ради отметим, что для В. П. Бузескула не представляла большого труда модернизация древней истории, так как он обнаруживал немало общего в античной и современной ему жизни.
74. Харьковский государственный университет... [Текст]. – С. 256.
75. Там же. – С. 270.